

А.В.Марков

ОЧЕРК В.В.БИБИХИНА «СТАРЕЦ ТАВРИОН» КАК ФИЛОСОФСКАЯ ДУХОВНАЯ ПРОЗА

Очерк В.В.Бибихина «Старец Таврион» (1978) позволяет дать характеристику особому типу духовной прозы — философской духовной прозе. Ее особенностями является большое количество исторических наблюдений и параллелей, аналитическое изложение проповеди, принятие духовной монастырской дисциплины как внутренне необходимой, а не как спасительной, но непривычной. Контексты публикации этого очерка и собственной философской деятельности В.В.Бибихина позволяют уточнить место этого очерка в истории новейшей русской литературы.

Ключевые слова: духовная проза, русская философия, В.В.Бибихин, Таврион Батозский, исповедь, проповедь, жанры прозы, литературный эксперимент

Отличие духовной прозы (термин, уже прочно вошедший не только в науку, но и в методику преподавания всей русской литературы [1]) от авторской прозы не сводится только к выбору темы — рассказу о тех людях и сообществах, с которыми средний читатель авторской прозы не сталкивается, о жизни монахов, праведников, юродивых, которых нет в обычном кругу общения читателей книг и которые поэтому выглядят как радикально другие люди. Главное в духовной прозе — иная установка самого сочинителя, имеющего опыт покаяния и способного изложить материал, не привязывая его к логике характеров, хотя допуская и контрасты, и анекдотичность [2]. Хотя мы можем выделить некоторые условные типы авторов духовной прозы, такие как «раскаившийся грешник», «воцерковленный исследователь духовной жизни», «ученик старца», «свидетель века» и другие, обоснование которых потребовало бы специального исследования, важно, что духовная проза стоит в ряду альтернатив авторской литературе, наряду с фольклором и постфольклором (включая сетевой постфольклор), документальной литературой, литургической поэзией, и наконец, философскими и научными трудами, в которых тоже ценности личного опыта уступают коллективным и имеется идеальная перспектива производимых вместе с читателем открытий.

Очерк В.В.Бибихина «Старец Таврион» [3, с. 226–241] был написан в 1978 году, по свежим воспоминаниям от поездки в Спасо-Преображенский монастырь под Елгавой, так что некоторые высказывания героя очерка должны быть задокументированы точно. Как и многие центры духовничества и старчества, например, Глинская Пустынь или Псково-Печерский монастырь, это фронтирный монастырь, стоящий близко к границе между двумя республиками СССР. Герой этого очерка, архимандрит Таврион Батозский (1898—1978) — один из известнейших исповедников веры, проповедников и духовников, с которым связывалось возрождение в СССР покаянной дисциплины, длительных исповедей и адресных проповедей, прямо обращенных к присутствующим, в отличие от духовных слов с амвона, которые раскрывают содержание веры без прямого приложения к экзистенциальной ситуации каждого присутствующего. Такие черты его облика, как опыт прямого физического выживания в лагерях, талант живописца, связанный с украинской традицией церковного декора, требование частого причащения для раскрытия красоты христианства окружающим людям привлекали к нему многих духовных чад. В настоящее время он почитаем как святой (священноисповедник) самыми разными группами в Русской Церкви [4; 5]. Очерк В.В.Бибихина в настоящее время републикован электронно без сохранения пагинации на мемориальном сайте философа [6].

Как обычно в русской духовной прозе, в очерке Бибихина нет рубрикации, деления на главы, разделы или выделения смысловых моментов и речевых стилей: изложение проповеди переходит в изложение беседы и этнографические наблюдения, а общие размышления об отношении христианства и культуры — в проникновенное внимание к духовнической практике героя. Ведь автор духовной прозы, дистанцируясь от авторской прозы, пытается быть новым летописцем, свидетелем, составителем патерика, а в летописи или патерике могут быть разве что выделены отдельные рассказы, но не может быть структурного соподчинения различных речевых жанров, которое необходимо для концептуализации реальности в авторской прозе. Также, как обычно в духовной прозе, разоблачается ложная духовность в виде фанатизма и лицемерия, и Бибихин в начале очерка изображает случай фанатизма, паломниц с чрезмерными эсхатологическими ожиданиями [3, с. 227], а в конце — случай лицемерия, поведение монахинь, немилосердных к паломникам, но уважающих советскую власть [3, с. 241]. Такая рамка изображения ложной духовности для понимания истинной духовности оказывается вдвойне оправданной: подчеркивается вся трудность служения старца в окружении суеверия, и читатель с первой страницы вводится внутрь церковной жизни, так как патология фанатизма понятна только изнутри церковности.

Очерк был опубликован в составе сборника «Наше положение» [3], ведущим составителем которого был В.В.Бибихин. В него включен целый ряд текстов, композиционно и ценностно перекликающихся с этим очерком, в частности, в травелог О.Седаковой «Путешествие в Тарту и обратно: запоздалая хроника» есть рассказ о посещении Псково-Печерского монастыря во время вынужденной остановки в Печорах, и там тоже есть рамка обличаемого лицемерия и фанатизма, рассказ о молитвенном подвиге братии и глубокое размышление о пещерах как месте встречи торжествующей и воинствующей Церкви, усопших и живых [3,

с. 30-31]. Также и исследование А.И.Шмаиной-Великановой об апокрифе «Оды Соломона» доказывает, что он принадлежит общине бывших иудейских книжников, порвавших с лицемерием своих коллег и принявших Христа как Спасителя, но при этом не особо пересекавшейся с другими христианскими общинами и считавшей, что Храм Соломона должен сохраняться как твердыня веры [3, с. 265-269] — можно увидеть в членах этой общины первых монахов, для которых архитектурная организация пространства важнее коммуникации для исповедания веры, и которые при этом не от мира сего и не имеют ничего общего с миром. Таким образом, сборник вписывает очерк о старце Таврионе в исследование связи монашеского опыта с опытом раннего христианства.

Дополнительным контекстом оказывается обращение трех основных авторов сборника «Наше положение» (В.В.Бибихина, О.А.Седаковой и А.И.Шмаиной-Великановой) к роману Б.Пастернака «Доктор Живаго» как к примеру метаромана, в котором традиции классической русской прозы оказываются пронизаны такими принципами духовной прозы, как диалог с богословием, убедительное изображение Промысла и случайностей как части Промысла, богословие чуда как этического факта, осмысление Библии как метатекста всемирной истории и личной биографии, наконец, декларация того, что спасение и воскресение невозможно описать исходя из субъективного опыта, но необходимы иные языки и метажанры описания. Также при внимательном чтении всего сборника видно, как глубоко усвоены оказались особенности поэтики этого романа, такие как сюжетообразующая роль евангельских притч (о горчичном зерне, о блудном сыне, о брачном пире и других), соединение поминания погибших в социальных катастрофах с возвращением на новом уровне к докатастрофическому символизму и евангелизация таких его ключевых символов, как «путь» и «жизнь», наконец, сама форма метаромана как особое богословие: «Церковь, понимаемая не как здание, учреждение и убеждение, а как *динамическое состояние воспроизведения своего начала*» [3, с. 284] — такая вариация А.И.Шмаиной-Великановой не названной формулы Климента Гринберга для модернистского искусства (курсив авторский) оказывается ключевой для всего замысла сборника «Наше положение», противопоставляющего прагматизму и политическому цинизму постиндустриальной цивилизации обновленный модернизм, дополненный достижениями евхаристического богословия XX века.

В.В.Бибихин представляет своего героя во многом как иконописный образ, говоря сначала о голосе старца, потом об особенностях красноречия, и потом уже об индивидуальной внешности [3, с. 227-228]. Это, конечно, иконический принцип, при котором духовное служение должно опознаваться прежде, чем черты лица или облика. После словесного портрета-иконы Бибихин вступает в спор с Василием Розановым, говорившем об исторических неудачах христианства, и Львом Толстым как отрицателем Церкви. Толстой и Розанов не видели в Евхаристии настоящего присутствия христианства, Бибихин парадоксально противопоставляет им феноменологию присутствия, сформулированную во французской левой философии 1968 года, присутствия события, которое противоположно обыденному пониманию прогресса и потому чудесно [3, с. 229]. Бибихин отмечает такие черты старца Тавриона, как поощрение общего пения молитв всеми собравшимися [3, с. 230], высокую организованность и бодрость, неумение опаздывать или долго спать [3, с. 232], возможность замены проповеди общей молитвой или общей благодарностью [3, с. 236] при очень частом произнесении проповедей отсутствие «постоянной позы и постоянной интонации» [3, с. 233], импровизация и смиренная неуверенность в своих действиях, наконец, дополнение в проповедях евангельских притч примерами из недавней истории, но понятыми как обоснование жизненных истин христианства: так, архимандрит Таврион называл подвиг павших на фронтах Великой отечественной войны образцом настоящей христианской красоты и радости, павшие «приобрели внутреннюю красоту» и «имели больше радости чем оставшиеся в живых и прожившие долгую жизнь» [3, с. 239] (В.В.Бибихин иногда намеренно пропускал запятые из интонационных соображений, мы сохраняем в цитатах эту особенность пунктуации — А.М.). Таким образом, перед нами образец не просто духовной прозы, но философской духовной прозы, показывающей не только, как возможна духовная жизнь в современном мире, но и как эта духовная жизнь обретает себя, минимальные условия своего осуществления. Это могут быть минимальные условия формально-организаторские (подвиг бдения, бодрствования как трезвения), характерологические, описываемые обычно через отрицание (подвижность и даже некоторая нелепость из-за отсутствия нарочитой позы), социальные (вовлечение паломников не просто в календарь монастырской жизни, но в импровизацию, допустимые этим календарем), этические (частые проповеди и указания, как одобряющие, так и обличительные), наконец, эстетические (умение увидеть красоту чужого подвига вне готовой эстетической традиции). В обычной духовной прозе, которая изображает подвижника как исключительное и непостижимое для мирян явление, такой ритм, «темпоральность» подвига изображаются только отчасти и со ссылкой на аскетические руководства и монастырские уставы, тогда как Бибихин не ссылается на такие документы, но выступает как философ, знающий, что проблема темпоральности, переживания времени, как проблема одновременно онтологии, гносеологии, этики и эстетики — магистральная в континентальной философии XX века. Переводчик Дильтея, Фрейда, Хайдеггера, не имевший другой работы на момент написания этого очерка, Бибихин явно обдумывал приложимость философского опыта к пониманию деятельности авторитетного духовника — в частности, говоря о старце Таврионе как о вызвавшем возмущение в монастыре требованием более строго соблюдать устав, он сравнивает его в этом не с православными подвижниками, имевшими тот же опыт, например, Симеоном Новым Богословом, а с кардиналом Николаем Кузанским, труды которого Бибихин переводил.

Вне зависимости от того, насколько точно В.В.Бибихин законспектировал или запомнил слова архимандрита Тавриона, эти конспекты также говорят о том, что перед нами духовная философская проза. Например, такие выражения, как «эта грешница [пролившая миро] принесла Господу природу души своей» [3,

с. 238] или «Ничего не нужно делать специального для его любви» [3, с. 235] могут быть поняты как простонародные обороты, где часто философские термины употребляются как плеоназмы («конкретно происходит то-то»), но могут быть поняты и как философское осмысление соответствующих концептов. Так, «природа души» — это не ее свойства, а готовность души быть душою, готовность грешницы действовать от души и пролить дорогое миро, в отличие от бездушного осуждения ее поступка Иудой. Или «специальное для любви» — это не отдельные частные заслуги, добрые дела, но указание на готовность к покаянию, которое для всех и потому не может быть специализировано. Философская терминология оказывается здесь частью главного утверждения: без покаяния невозможно понимание евангельской этики и каких-либо христианских аскетических требований. Поэтому духовную философскую прозу на основании проведенного исследования мы можем оценить как прозу, обосновывающую покаяние как необходимый гносеологический метод христианства. Есть и другой скрытый диалог с философией XX века: подробное истолкование призыва старца увидеть «какую жуть мы собою представляем», что «боимся даже посмотреть на себя, такие мы жуткие» [3, с. 230] явно христианизует знаменитую статью Зигмунда Фрейда «Жуткое» (1919). Если отец психоанализа увидел в жутком во сне или наяву встречу с жутью нашего подсознания, то старец Таврион и В.В.Бибихин поправляют этот тезис, вводя фактор темпоральности: «в мире нам жутко от нашей жути» [3, с. 231], иначе говоря, в мире мы пугаемся того, как ужас нашей греховности и оказывается временем существования, и только покаяние, христианство, которое «подтачивает его [мира] самостояние», может избавить от этой жути.

Эту философию покаяния старец Таврион развивает в учении о том, что кроме Церкви торжествующей и воинствующей есть еще Церковь жаждущая — христиане, умершие без покаяния, что можно сопоставить с догматом о Чистилище западной Церкви. Старец Таврион считал, что отсрочка второго пришествия связана с тем, что церковь воинствующая недостаточно молится за церковь жаждущую, тогда как этих грешников надо спасти молитвами святых [3, с. 236]. Иначе говоря, темпоральность, чувство времени создается тем, что молитва осуществляется регулярно, и только тогда может быть нерегулярное, немислимое чудо спасения грешника. В мире, где всё регулярно, возможно только бесплодие смоковницы (существует глубокомысленное истолкование О.Седаковой этой притчи [7]), тогда как в мире, где время может быть отведено и на покаяние, и возможно немислимое, такое как прощение через границу между смертью и жизнью. Интересно, что этот сюжет прощения при пересечении границы несколько гротескно обыгран в «Путешествии в Тарту и обратно» О.Седаковой и в некоторых публицистических замечаниях самого Бибихина в этом же сборнике «Наше положение», что позволяет усвоить эту мысль читателям, специально не занимавшимся философией XX века и не знающим на опыте традицию православного старчества.

Первый полемический контекст этого очерка появился между его написанием и публикацией, о чем свидетельствует дневниковая запись В.В.Бибихина от 25 декабря 1987 года: философа попросили прочесть статью С.С.Аверинцева «Дидахе» (об одном из важнейших раннехристианских памятников «Дидахе (Учение) двенадцати апостолов», соединяющем устав общины и моральное наставление, заново открытом во второй половине XIX века), которую не хотят по цензурным соображениям включать в энциклопедию, чтобы узнать дополнительное мнение специалиста. «И я ее не читаю. Я бы тоже не включил такую статью, но Аверинцева бы включил» [8, с. 358]. И затем со смесью восхищения и иронии говорит: «Всё, что касается Аверинцева, значительно и символично. Священное» (359). Странно, как соотносятся «не читаю» и «я бы то же не включил» — как можно судить о статье, ее не прочитав? На самом деле, Бибихин просто так заявляет, что подход, заявленный в статье Аверинцева, ему чужд: Аверинцев упрекал этот раннехристианский памятник в том, что он невольно работал на критику церковности: его морализм, адогматизм, отсутствие границ между обычаями Ветхого и Нового Заветов, «оказались созвучны религиозно-реформаторским устремлениям либеральной интеллигенции, напр., толстовству» [9, с. 179]. Цель В.В.Бибихина — показать, что духовность, которая обозначена в «Дидахе», включающая общецерковное пение, внимание к бродячим пророкам, предвосхищающая внимание к старцам-духовникам, частое причащение, бодрствование, поддерживаемое общиной, отсутствие эсхатологических крайностей, нашла продолжение вовсе не в толстовстве, а в православном старчестве, одним из самых ярких представителей которого в XX веке был архимандрит Таврион. Другие полемические контексты появились уже в рамках сборника «Наше положение», включающем полемику как с социальным конструктивизмом в качестве единственного гносеологического ключа (статья О.Седаковой с критикой постмодернистской теории и актуального искусства), так и с прагматизмом — В.В.Бибихин в статье «Эстетика Льва Толстого» видит ее нерв вовсе не в отрицании эстетизма ради прагматизма, но в ощущении «душой всего мирового бытия» [3, с. 278], которое выражается в провокационных формах.

Таким образом, мы можем говорить, что на русском языке существует образец философской духовной прозы, которым можно мерить другие произведения, которые могут написать философы, и эту прозу надо отличать от других форм духовной прозы, как бы мы ни классифицировали и ни различали последние. В.В.Бибихин, стремясь осмыслить проблематику времени как магистральную в философии XX века, а также специфику кризиса гносеологии в XX веке, создал произведение об одном из самых авторитетных духовников как раскрывающее и специфику переживания времени изнутри церковности, и специфику покаянной аскетики как продуктивной формы гносеологии.

1. Пращерук Н.В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика: учебное пособие. Екб., 2018. 110 с.
2. Бойко С.С. Истоки современной духовной прозы: рассказы Лидии Запариной (Л.Шостэ) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 2-2(35). С. 293-302.
3. Наше положение: образ настоящего / В.В.Бибихин и др. М., 2000. 304 с.
4. Лепехина А. Архимандрит Таврион (Батозский): опыт подготовки материалов к канонизации. [Электр. ресурс]. URL: <https://sfi.ru/science/srietienskiye-ctieniia/xx-sretenskie-ctieniia/cerkovno-istoricheskaya-sekciya/arhimandrit-tavriion-batozskij-opyt-podgotovki-materialov-k-kanonizacii.html> (дата обращения: 01.06.2019).
5. Монахиня Т. Священноисповедник архимандрит Таврион [Электр. ресурс]. URL: https://www.fatheralexander.org/booklets/russian/starrets_tavriion.htm (дата обращения: 01.06.2019).
6. Бибихин В.В. Старец Таврион. Электронная публикация [Электр. ресурс]. URL: http://www.bibikhin.ru/starrets_tavriion (дата обращения: 01.06.2019).
7. Седакова О.А. «Чудо» Бориса Пастернака в русской поэтической традиции // Пастернаковские чтения. Вып. 2. М., 1998. С. 204-214.
8. Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев, Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004. 416 с.
9. Аверинцев С.С. София-Логос: Словарь. К., 1994. 908 с.

References

1. Prashheruk N.V. Sovremennaya duhovnaya proza: tradicii, smysly, poetika: uchebnoe posobie [Contemporary spiritual prose: traditions, senses, and poetics. A textbook]. Ekaterinburg, 2018. 110 p.
2. Boyko S.S. Istoki sovremennoj duhovnoj prozy: rasskazy Lidii Zaporinoy (L.Shostye) [Sources of the contemporary spiritual prose]. Vestnik RGGU, Ser. "Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie", 2018, no. 2-2(35), pp. 293-302.
3. Nashe polozhenie: obraz nastojashhego [Bibikhin V.V., ed. Our Situation: An image of present day] Moscow, 2000. 304 p.
4. Lepchina A. Arhimandrit Tavriion (Batozskiy): opyt podgotovki materialov k kanonizacii [Archimandrit Tavriion: to the Church canonization]. Available at: <https://sfi.ru/science/srietienskiye-ctieniia/xx-sretenskie-ctieniia/cerkovno-istoricheskaya-sekciya/arhimandrit-tavriion-batozskij-opyt-podgotovki-materialov-k-kanonizacii.html> (accessed: 01.06.2019).
5. Monahinya T. Svyashhennoispovednik arhimandrit Tavriion [The Confessor Archimandrite Tavriion]. Available at: https://www.fatheralexander.org/booklets/russian/starrets_tavriion.htm (accessed: 01.06.2019).
6. Bibihin V.V. Starec Tavriion [The Elder Tavriion]. Available at: http://www.bibikhin.ru/starrets_tavriion (accessed: 01.06.2019).
7. Sedakova O.A. "Chudo" Borisa Pasternaka v russkoy pojeticheskoy tradicii [A Miracle by B.Pasternak in Russian poetical tradition]. Pasternakovskie chteniya, vol. 2. Moscow, 1998, pp. 204-214.
8. Bibihin V.V. Aleksey Fedorovich Losev, Sergey Sergeevich Averincev. Moscow, 2004. 416 p.
9. Averincev S.S. Sofiya-Logos: Slovar' [Sophia-Logos. A Dictionary]. Kyiv, 1994. 908 p.

Markov A.V. Essay by V.Bibikhin The Elder Tavrion as philosophical spiritual prose. Essay by V.Bibikhin The Elder Tavrion (1978) allows us to characterize a philosophical spiritual prose as a special type of the later. Its features are large number of historical observations and parallels, analytical presentation of the sermon, the adoption of spiritual monastic discipline as internally necessary and not unusual. The contexts of the publication of this essay and Bibikhin's philosophical production allow us to clarify the place of this essay in the history of Russian literature.

Keywords: spiritual prose, Russian philosophy, Bibikhin, Tavrion Batozsky the Elder, confession, sermon, prose genres, literary experiment.

Сведения об авторе. Александр Викторович Марков — доктор филологических наук (10.01.08 — Теория литературы. Текстология), профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Факультет истории искусства, Кафедра кино и современного искусства, markovius@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.08.2019. Принята к публикации 30.08.2019.